Счастливчики

Автор:
Хулио Кортасар

Счастливчики

Хулио Кортасар

Эксклюзивная классика (АСТ)

Группа счастливчиков выигрывает путевки в трехмесячный морской круиз. И мало того – каждый может взять с собой в путешествие троих спутников по своему выбору! Неслыханное везение! Однако все происходит немного не так, как рисовалось в мечтах, – загадочный карантин, запретные комнаты…

Постепенно реальное путешествие превращается в путешествие мифологическое, а рутинные коллизии жизни «маленьких людей» обретают поистине эсхатологические черты.

«Обычное проникается непостижимым», – комментировал этот роман сам Кортасар. И тень непостижимого витает над каждым из «счастливчиков», оказавшихся на корабле.

Хулио Кортасар

Счастливчики

«…Что делать романисту с людьми ординарными, совершенно «обыкновенными», и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь интересными? Совершенно миновать их в рассказе никак нельзя, потому что ординарные люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало быть, нарушим правдоподобие».

Ф. Достоевский, «Идиот», ч. IV, гл. I

Пролог

I

«Маркиза вышла в пять, – подумал Карлос Лопес. – Где же, черт возьми, я это читал?»

Дело было в «Лондоне», на углу улицы Перу и Авенида; а время – десять минут шестого. Маркиза вышла в пять? Лопес помотал головой, чтобы отделаться от застрявшего в памяти обрывка, и попробовал свое «Килмес Кристалл». Пиво было недостаточно холодным.

– Когда тебя вырывают из привычной обстановки, ты – как рыба без воды, – сказал доктор Рестелли, глядя на свой стакан. – Я, знаете ли, так привык в четыре часа пить сладкий чай-мате. Поглядите на эту даму, вон она, выходит из метро, не знаю, видно ли вам, столько прохожих. Вот она, блондинка. Будут ли в нашем замечательном круизе подобные белокурые ветреницы?

– Сомневаюсь, – сказал Лопес. – Самые красивые женщины всегда плывут на другом пароходе, это – рок.

– Ах, молодежь, какие вы скептики, – сказал доктор Рестелли. – Я уже вышел из возраста, когда свершают безумства, однако же не прочь развлечься время от времени. И оптимизм сохраняю, а потому захватил с собой в чемодане три бутылки грапы из Катамаркеньи и почти уверен, что у нас будет возможность насладиться обществом красивых девушек.

– Увидим, если поплывем, – сказал Лопес. – Кстати о женщинах, как раз входит одна, достойная того, чтобы вы повернули голову градусов на семьдесят в сторону Флориды. Вот так… стоп. Та, что разговаривает с патлатым типом. Судя по их виду, они плывут с нами, хотя убей, если знаю, как выглядят те, кто

плывет с нами. Может, возьмем еще по пивку?

Доктор Рестелли одобрительно кивнул. Лопес подумал, что в этом жестком воротничке и синем шелковом галстуке в фиолетовую крапинку он необыкновенно напоминает черепаху. А его пенсне подрывало дисциплину в национальном колледже, где он преподавал историю Аргентины (а Лопес – испанский язык), и выглядело столь значительно, что к владельцу пенсне прилепились несколько разнообразных кличек – от Черного Кота до Хохлатого Жаворонка. «Интересно, а какая кличка у меня», – лицемерно подумал Лопес, он был уверен, что мальчишки удовольствовались чем-нибудь вроде «Лопес-грамотей».

– Красивое создание, – пришел к заключению доктор Рестелли. – Было бы недурно, если бы она оказалась в числе пассажиров. Какая перспектива – соленый морской воздух, тропические ночи, должен признаться, меня это весьма стимулирует. За ваше здоровье, коллега и друг.

– И за ваше, доктор и мой собрат по удаче, – сказал Лопес и уполовинил свои пол-литра.

Доктор Рестелли ценил (сдержанно) своего коллегу и друга. На педсоветах он обычно не поддерживал педагогических закидонов Лопеса, упорно защищавшего ленивых бездельников и других, не столь ленивых, которые списывали на контрольных или же почитывали газетку во время объяснения битвы при Вилкапухио (а ведь какого труда стоит достойно объяснить, как этим испанцам удалось так накостылять славному Бельграно). Но если не считать некоторой богемистости, Лопес был великолепным коллегой, всегда готовым признать, что речи на 9 июля должен произносить доктор Рестелли, который в конце концов скромно сдавался на уговоры доктора Гульелметти и столь же сердечные, сколь и незаслуженные настояния преподавательского состава. Во всяком случае, очень удачно, что туристскую лотерею выиграл Лопес, а не негр Гомес или же преподавательница английского на третьем курсе. С Лопесом можно найти общий язык, хотя порою он впадал в чрезмерный либерализм, чуть ли не в постыдную левизну, которой доктор Рестелли не прощал никому. Но зато ему нравились девушки и бега.

– Четырнадцать весен минуло тебе, и ты предалася веселой гульбе, – пропел Лопес. – А вы почему купили лотерейный билет, доктор?

– Уступил домогательствам сеньоры де Ребора, дружище. Вы же знаете, как она умеет доставать. Вас ведь, наверное, тоже донимала? Но теперь-то мы ей благодарны, сказать по справедливости.

– У меня она вынимала душу восемь перемен подряд, – сказал Лопес. – Не дала прочитать отчет о бегах, какие уж тут бега, когда такой овод вопьется. И главное, не понимаю, какая ей корысть. Лотерея как лотерея, в общем-то.

– Ах, не скажите. Прошу прощения. Этот розыгрыш – совершенно особенный.

– А почему билеты продавала мадам Ребора?

– Предполагается, – с таинственным видом сказал доктор Рестелли, – что тираж предназначался для особой публики, скажем так, избранной. Возможно, государство, как в некоторых исторических ситуациях, призвало наших дам к благосклонному сотрудничеству. Ну и не хотелось, чтобы счастливчики оказались в обществе людей, скажем так, низшего уровня.

– Скажем так, – согласился Лопес. – Но вы забываете, что эти счастливчики имеют право осчастливить еще и троих членов семьи.

– Мой дорогой коллега, если бы моя покойная супруга и моя дочь, которая замужем за юным Робиросой, могли бы сопровождать меня…

– Ну, понятно, понятно, – сказал Лопес. – Вы – статья особая. Но – оставим экивоки – если бы, к примеру, я сбрендил и пригласил с собою мою сестрицу, вы бы отнесли ее к людям низшего уровня, выражаясь вашими словами.

– Не думаю, что ваша уважаемая незамужняя сестра…

– Она тоже так не думает, – сказал Лопес. – Но она именно из тех, кто переспрашивает: «Чиво?» и считает, что слово «блевать» – неприличное.

– Это и на самом деле несколько сильное слово. Я предпочитаю говорить «вырвало».

– А вот она отдает предпочтение выражению «вытошнило» или «еда назад пошла». А что вы скажете по поводу нашего ученика?

Доктор Рестелли забыл о пиве и выказал явное неудовольствие. Этого он понять не мог: почему сеньора де Ребора, женщина назойливая, но вовсе не глупая, которая в довершение всего еще кичилась своим довольно-таки знатным именем, могла так поддаться болезненному желанию распродать все билеты и опуститься до того, что предлагала их ученикам старших классов. И вот он, плачевный результат: по прихоти судьбы – такое встречается только в хрониках, а может, апокрифах казино Монте-Карло, – кроме Лопеса и его самого счастливый билет достался и школьнику Фелипе Трехо, худшему из класса, тому самому, кто, скорее всего, и издавал глухие звуки определенного сорта на уроках аргентинской истории.

– Поверьте, Лопес, такому паскуднику не следовало разрешать плыть на этом пароходе. К тому же он несовершеннолетний.

– Он не только плывет, но и притащил с собою все семейство, – сказал Лопес. – Я узнал это от приятеля журналиста, который брал тут интервью у тех, кого сумел выловить.

Бедный Рестелли, бедный достопочтенный Черный Кот. Теперь тень колледжа будет преследовать его все плавание, если, конечно, оно состоится, а металлическое ржание учащегося Фелипе Трехо отравит ему робкий флирт, праздник Нептуна, шоколадное мороженое и такие всегда забавные игры в спасение утопающих. «Если б он знал, что я пил пиво с Трехо и его пивной компанией на Пласа Онсе и что именно от них узнал про Хохлатого Жаворонка и Черного Кота… Бедняга, какое у него устаревшее представление о преподавательском племени».

– Это, быть может, добрый знак, – с надеждой сказал доктор Рестелли. – Семья утихомиривает. Вы так не считаете? Ну конечно же, считаете.

– Посмотрите, – сказал Лопес, – вон на тех близняшек, они вышли со стороны улицы Перу. А сейчас переходят Авениду. Видите их?

– Не знаю, – сказал доктор Рестелли. – Одна в белом, а другая в зеленом?

– Так точно. Особенно на ту, что в белом.

– Очень хороша. Да, та, что в белом. Хм, хорошие икры. Пожалуй, только чересчур семенит. Не сюда ли они?

– Нет, доктор, не сюда, они – мимо.

– Жаль. Знаете ли, у меня была подружка – такая же. Очень похожа на нее.

– На ту, что в белом?

– Нет, в зеленом. Никогда не забуду… Впрочем, вам это неинтересно. Интересно? Тогда еще по пивку, все равно до собрания остается полчаса. Так вот, эта девушка была из знатной семьи и знала, что я женат. Короче говоря, она все равно бросилась в мои объятия. Какие ночи, друг мой, какие ночи…

– Никогда не сомневался в вашей Кама Сутре, – сказал Лопес. – Еще пива, Роберто.

– Видно, у сеньоров ужасная жажда, – сказал Роберто. – Наверно, от влажности. В газете написано.

– Раз в газете написано, значит, чистая правда, – сказал Лопес. – Я начинаю понимать, кто будет нашими товарищами по путешествию. У них на лицах, как и у нас, оживление и недоверие. Поглядите, доктор, и сразу узнаете их.

– А почему недоверие? – спросил доктор Рестелли. – Эти слухи ни на чем не основаны. Вот увидите, отчалим точно, как обозначено на оборотной стороне билета. Лотерея имеет поручительство государства, это вам не какая-нибудь самодеятельная лотерейка. Билеты распространялись среди лучших, и даже странно предполагать возможность накладок.

– Я восхищаюсь вашей верой в бюрократический порядок, – сказал Лопес. – По-видимому, это коренится в упорядоченности вашей личности, скажем так. Я же, напротив, подобен турецкому сундуку, и у меня никогда нет никакой уверенности ни в чем. Нельзя сказать, что я не доверяю конкретно этой лотерее, но все-таки не раз задавался вопросом, не закончится ли все это как с

«Хелрией».

– «Хелрия» – затея агентств, возможно, даже еврейских, – сказал доктор Рестелли. – Название-то какое, если вдуматься… Я не антисемит, подчеркиваю особо, но уже много лет замечаю, что повсюду просачивается эта нация, достойная похвал, если хотите, в других отношениях. Ваше здоровье.

– И ваше, – сказал Лопес, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. А маркиза на самом деле выйдет в пять? В дверь со стороны Авениды входили и выходили завсегдатаи. Лопес воспользовался тем, что собеседник задумался, по-видимому, над этнографическими проблемами, и огляделся вокруг. Почти все столики были заняты, но лишь за немногими царило настроение, выдававшее возможных участников предстоящего плавания. Стайка девушек столпилась у дверей, как обычно бестолково натыкаясь друг на дружку, смеясь и бросая взгляды на вероятных порицателей или поклонников. Вошла сеньора с целым выводком детишек и направилась в маленький зал со столиками, застеленными умиротворяющими скатерками, где другие матроны и мирные парочки поглощали прохладительные напитки или пирожные, словом, что-то вполне домашнее. Вошли парень (этот – да, наверняка) с очень хорошенькой девушкой (хорошо бы, и она – тоже) и сели рядом. Оба нервничали, но как ни старались смотреть друг на друга естественно, руки, крутившие бумажник или сигареты, выдавали их. А за стенами кафе Авенида буйствовала, как обычно. Громко, во всю мощь, рекламировали пятое издание чего-то, в рупор расхваливали что-то еще. Яростный летний свет заливал улицу в половине шестого вечера (в этот обманный час, как и многие другие, убежавшие вперед или оставшиеся позади), пахло бензином, раскаленным асфальтом, одеколоном и мокрыми опилками. Лопес еще раз подивился капризу Туристической лотереи, неразумно одарившей его. Только давняя привычка портеньо, жителя Буэнос-Айреса, – чтобы не сказать больше и не впасть в метафизику – позволяла счесть разумным разворачивавшийся вокруг спектакль, участником которого был и он. Самая хаотическая гипотеза хаоса – ничто в сравнении с этой суматошной сутолокой при тридцати трех градусах в тени, этим беспорядочным хождением туда-сюда, этим скоплением шляп и портфелей, охранников и газеты «Расон», автобусов и пива, – и все это одновременно, в единый краткий миг меняется и в новый краткий миг предстает уже в ином сочетании и обличье. Вот женщину в красной юбке и мужчину в клетчатом пиджаке, идущих навстречу друг другу, разделяют всего лишь две тротуарные плитки, и в этот же миг доктор Рестелли подносит ко рту свою пол-литровую кружку, а хорошенькая девушка (без сомнения, хорошенькая) вынимает красную губную помаду. И вот уже мужчина и женщина на тротуаре разминулись, кружка медленно опускается, а помада выписывает

извечное слово. Так кому же, кому может показаться странной эта Лотерея?

II

– Два кофе, – попросил Лусио.

– И стакан воды, пожалуйста, – сказала Нора.

– К кофе всегда подают воду, – сказал Лусио.

– На самом деле.

– Только ты никогда ее не пьешь.

– Сегодня хочется пить.

– Да, здесь жарко, – сказал Лусио, меняя тон. Наклонился к ней над столом. – У тебя усталое лицо.

– Конечно, вещи укладывала, хлопоты…

– Хлопоты, какие могут быть хлопоты с вещами, – сказал Лусио.

– Да.

– Ты правда устала.

– Да.

– Сегодня ночью ты будешь спать хорошо.

– Надеюсь, – сказала Нора. Как всегда, он говорил самые невинные вещи тоном, который Нора уже научилась понимать. Возможно, и эту ночь она не будет спать хорошо, потому что это будет ее первая ночь с Лусио. Ее вторая первая ночь.

– Красуля, – сказал Лусио, гладя ее руку. – Красуля-кисуля.

Нора вспомнила отель «Бельграно», первую ночь с Лусио, но лучше бы не вспоминать, а забыть.

– Дурашка, – сказала Нора. Запасная губная помада, кажется, в несессере?

– Хороший кофе, – сказал Лусио. – Как думаешь, дома догадались? Мне-то что, но скандала не хочется.

– Мама думает, что я пошла в кино с Мучей.

– А завтра – скандал до небес.

– Завтра они уже ничего поделать не смогут, – сказала Нора. – Подумать только, недавно отмечали мой день рождения… Вся надежда – на папу. Папа не злой, но мама вертит им как хочет, и остальными – тоже.

– Все жарче становится тут, в помещении.

– Ты нервничаешь, – сказала Нора.

– Нет, просто хотелось бы наконец отчалить. Тебе не кажется странным, что нас заставили сначала прийти сюда? В порт, я думаю, повезут на автобусе.

– А кто же остальные? – сказала Нора. – Вон та сеньора в черном, как ты думаешь, тоже?

– Да нет, зачем этой сеньоре путешествовать? Скорее, вон те две, которые разговаривают за столиком.

– А должно быть гораздо больше, человек двадцать.

– Ты немножко бледная сегодня, – сказал Лусио.

– От жары.

– Хорошо хоть успеем отдохнуть до того, как нас начнет болтать, – сказал Лусио. – Я бы хотел, чтобы нам дали хороший номер.

– С горячей водой, – сказала Нора.

– Да, и с иллюминатором, и чтобы вентилятор был. И чтобы иллюминатор выходил на море.

– Почему ты говоришь номер, а не каюта?

– Не знаю. Каюта… Номер – как-то лучше звучит. А каюта… вроде как каюк. Я тебе говорил, что ребята из нашей конторы хотели проводить нас?

– Проводить нас? – сказала Нора. – Как это? Они что же – знают?

– Ну, меня проводить, – сказал Лусио. – Знать-то они не знают. Я только одному сказал – Медрано, в клубе. Ему можно доверять. Я подумал, он все равно тоже плывет, так что лучше сказать ему заранее.

– Смотри-ка, и он тоже выиграл, – сказала Нора. – Как странно, правда?

– Сеньора Аппельбаум предложила нам билеты из одного блока. А остальные, кажется, разошлись в «Боке», не знаю точно. Почему ты такая хорошенькая?

– Вот еще, – сказала Нора, позволяя Лусио взять ее руку и сжать. Как всегда, когда он говорил вот так, приблизившись, испытующе, Нора немного отодвигалась, мягко, уступая ему совсем чуть-чуть, просто чтобы не огорчать. Лусио смотрел на ее улыбающийся рот, обнажавший мелкие, очень белые зубы, и только их (там, дальше, один был с золотой коронкой). Вот бы им дали хороший номер, и Нора отдохнула бы как следует. И выкинула бы из головы всю эту чушь (впрочем, выкинуть надо было только одно, но она за это упорно держалась). Он увидел, как в дверь со стороны Флориды входит Медрано вместе с компанией каких-то мужчин и женщины в кружевной блузке. Почти с облегчением он поднял руку. Медрано узнал его и направился к их столику.

III

В «Лондоне» в летнюю жару не так уж и плохо. От Лории до улицы Перу дороги десять минут, так что будет время остыть и пролистать «Критику». Загвоздка в том, как уехать, чтобы Беттина не засыпала вопросами, и Медрано придумал сбор выпускников 35-го года, ужин в Лопрете, а перед тем – аперитив где-то еще. Он уже столько напридумывал после выигрыша в лотерею, что эта последняя и почти вынужденная ложь ничего не меняла.

Беттина осталась в постели под жужжавшим на тумбочке вентилятором, голая, читать Пруста в переводе Менсаче. Все утро они занимались любовью, с перерывами на сон, виски или кока-колу. Съев холодного цыпленка, они обсудили достоинства произведений Марселя Эме, стихов Эмилио Бальягаса и котировку мексиканского орла. В четыре Медрано залез под душ, а Беттина открыла Пруста (перед тем они еще раз отдали дань любви). В подземке, с сочувственным интересом наблюдая за школьником, изо всех сил старавшимся выглядеть беспутным гулякой, Медрано мысленно подвел черту под своими действиями за день и признал их правильными. Можно было вступать в субботу.

Листая «Критику», он продолжал думать о Беттине, немного удивляясь, что все еще думает о Беттине. Прощальное письмо (ему нравилось называть его посмертным письмом) было написано накануне ночью, в то время как Беттина спала, – нога ее выпросталась из-под простыни, волосы упали на глаза. Все было объяснено (за исключением того, разумеется, что она найдет возразить), личный вопрос удачно решен. С Сусаной Донети разрыв произошел точно таким же образом, и даже не пришлось уезжать из страны, как сейчас; каждый раз, когда после этого они с Сусаной встречались (главным образом на художественных выставках, неизбежных в Буэнос-Айресе), она улыбалась ему, как старому другу, не обнаруживая ни злобы, ни тоски по прошлому. Он представил, как входит в «Писарро» и сталкивается нос к носу с Беттиной, а она ему дружески улыбается. Или хотя бы просто улыбается. Но скорее всего Беттина вернется в Раух, где ее ожидает ни о чем не подозревающее безупречное семейство и две кафедры родного языка.

– Доктор Ливингстон, I suppose[1 - Полагаю (англ.).], – сказал Медрано.

– Познакомься: Габриэль Медрано, – сказал Лусио. – Садитесь, че[2 - Обращение-междометие, принятое в Аргентине.], выпейте что-нибудь.

Медрано пожал оробевшую руку Норы и попросил сухой мартини. Приятель Лусио показался Норе старше, чем она ожидала. Лет сорока, не меньше, но костюм из итальянского шелка с белой рубашкой очень ему шел. Лусио, даже имей он большие деньги, никогда не научится так одеваться.

– Что вы думаете об этих людях? – говорил меж тем Лусио. – Мы пытаемся угадать, кто из них плывет с нами. Кажется, в газетах был напечатан список, но у меня его нет.

– Список был, к счастью, очень неточный, – сказал Медрано. – Кроме меня пропустили еще двоих или троих, тех, кто не желал светиться или боялся семейных потрясений.

– Кроме того, здесь еще и сопровождающие.

– Ах да, – сказал Медрано и вспомнил спящую Беттину. – Ну, во-первых, я вижу тут Карлоса Лопеса с каким-то патрицианского вида сеньором. Вы не знакомы?

– Нет.

– Года три назад Лопес ходил в клуб, там я с ним и познакомился. Наверное, незадолго до того, как вы в него вступили. Пойду узнаю: он тоже плывет с нами?

Лопес плыл с ними, и они поздоровались, очень довольные, что встретились снова, да еще в таких обстоятельствах. Лопес представил ему доктора Рестелли, который сказал, что лицо Медрано ему знакомо. Воспользовавшись тем, что соседний столик освободился, Медрано позвал Нору с Лусио. Перемещение заняло какое-то время, потому что в «Лондоне» не так просто перейти с места на место, непременно вызовешь явное недовольство обслуживающего персонала. Лопес подозвал Роберто, и Роберто поворчал, но помог им перебраться и взял песо, даже не сказав спасибо. Молодежная компания становилась все более шумной и требовала по второй кружке пива. Нелегко было в этот час беседовать в «Лондоне», когда всех мучила жажда и сюда битком набивались желающие пожертвовать последним глотком кислорода ради сомнительной компенсации в виде пол-литра «Индиан-тоник». И уже почти не было разницы между баром и улицей, потому что по Авениде вверх и вниз текла густая толпа с пакетами, газетами и портфелями, главным образом – с портфелями всех цветов и размеров.

– Одним словом, – сказал доктор Рестелли, – насколько я понимаю, все мы, тут присутствующие, будем иметь удовольствие вместе пережить приятное путешествие.

– Будем иметь, – сказал Медрано, – Однако опасаюсь, что вместе с нами его будет переживать и часть этого шумного собрания, что слева от нас.

– Вы думаете? – обеспокоенно спросил Лопес.

– У них разбойный вид, они мне не нравятся, – сказал Лусио. – На футбольном поле, конечно, можно брататься с кем попало, но на пароходе…

– Как знать, – сказала Нора, которая решила, что надо идти в ногу со временем. – Может, окажутся вполне симпатичными.

– А между тем, – сказал Лопес, – молодая девица скромного вида, похоже, собирается присоединиться к ним. Да, так оно и есть. А с нею сеньора, в черном, вполне благочинная.

– Мать и дочь, – как всегда безошибочно в таких вещах определила Нора. – Боже, как они одеты.

– Все сомнения отпадают, – сказал Лопес. – Они тоже плывут и, судя по всему, приплывут обратно, если мы вообще отплывем и приплывем.

– Вот она, демократия, – сказал доктор Рестелли, но его голос потонул в реве, донесшемся от выхода из метро. Молодежная компания, похоже, почуяла своих, потому что двое откликнулись тут же, один – воплем на октаву выше естественного, а второй – засунув два пальца в рот, издал душераздирающий свист.

– …все вперемежку, общайся с кем попало, – заключил доктор Рестелли.

– Совершенно верно, – вежливо отозвался Медрано. – И вообще, спрашивается, зачем плыть?

– Простите, не понял?

– Ну конечно: что за нужда отправляться в плавание?

– Как же, как же, – сказал Лопес, – я полагаю, в любом случае интереснее, чем сидеть дома. Меня лично греет мысль, что за десять песо я выиграл путешествие по морю. И не забывайте, лотерея государственная, а значит, автоматически жалованье за время плавания сохраняется, что само по себе выигрыш. Такое упускать нельзя.

– Признаю, таким не пренебрегают, – сказал Медрано. – Мне выигрышный билет дал возможность запереть кабинет и какое-то время не разглядывать гнилые зубы. Но, согласитесь, вся эта история… У меня несколько раз возникало ощущение, что закончится она каким-нибудь таким образом… В общем, подберите сами подходящее определение, благо определение – чрезвычайно заменяемый член предложения.

Нора посмотрела на Лусио.

– По-моему, вы преувеличиваете, – сказал Лусио. – Если отказываться от счастливого билета из страха, что тебя надуют…

– Я не думаю, что Медрано имеет в виду обычное надувательство, – сказал Лопес. – Скорее нечто такое, что носится в воздухе, особого рода обман, обман, если можно так выразиться, высшего порядка. Смотрите-ка, только что к нам присоединилась и сеньора, чья одежда… Безусловно, и она – тоже. А вон там, доктор, устроился наш с вами ученик Трехо в окружении своего возлюбленного семейства. Кафе все больше становится похожим на океанский лайнер.

– В голове не укладывается, как сеньора де Ребора могла продать лотерейный билет школьнику, и особенно – этому, – сказал доктор Рестелли.

– Все жарче и жарче становится, – сказала Нора. – Закажи мне, пожалуйста, попить чего-нибудь холодненького.

– На пароходе будет хорошо, вот увидишь, – сказал Лусио и помахал рукой, чтобы привлечь внимание Роберто, который был занят разраставшейся

компанией бодрых юнцов, замучившей его причудливыми заказами вроде кофе-капучино, сэндвичей с сосисками, черного пива и тому подобного, необычного для этого заведения, во всяком случае, в это время дня.

– Да, наверное, там будет посвежее, – сказала Нора, поглядывая краем глаза на Медрано. Ее продолжало беспокоить то, что он сказал, а может, это просто такая манера, посеять беспокойство, чтобы было о чем говорить. Побаливал живот, наверное, надо сходить в туалет. Но неудобно подниматься и уходить в присутствии всех этих сеньоров. Лучше уж потерпеть. Да, пожалуй. Наверное, это мышечная боль. Какая у них будет каюта? С двумя узенькими койками, одна над другой? Ей бы хотелось спать на верхней, но Лусио, скорее всего, наденет пижаму и тоже полезет наверх.

– Нора, а вы уже плавали по морю? – спросил Медрано. Очень в его манере – сразу называть ее по имени. Видно, не робок с женщинами. Нет, не плавала, правда, была на экскурсии по Дельте, но это не то… А он-то, конечно, плавал? Да, было дело в молодости (как будто он старый). В Европу и в Соединенные Штаты, на конгрессы одонтологов и туристом. Представьте себе, франк тогда стоил десять сентаво.

– Здесь-то вообще все оплачено, – сказала Нора и подумала, что лучше бы прикусила язык. Медрано смотрел на нее с симпатией и словно заранее обещая покровительство. И Лопес тоже смотрел на нее с симпатией, но в его взгляде сквозило и восхищение истинного портеньо, который не обойдет вниманием ни одну стоящую женщину. Если все на пароходе окажутся такими же симпатичными, как эти двое, путешествие удастся. Нора отпила немного гранатового напитка, чихнула. Медрано и Лопес продолжали улыбаться, словно ободряя, а Лусио уже, похоже, готов был защищать ее от столь явного проявления симпатий. Белый голубь сел на перила у входа в метро. И застыл, безразличный и чуждый толпе, текущей вниз и вверх по Авениде. А потом взлетел с перил, с виду точно так же беспричинно, как и до того опустился на них. В угловую дверь вошла женщина, ведя за руку мальчика. «Еще дети, – подумал Лопес. – Ну, этот-то наверняка плывет, если мы вообще поплывем. Скоро шесть, решающий час. В шесть всегда что-нибудь случается».

IV

– Здесь должно быть вкусное мороженое, – сказал Хорхе.

– Ты думаешь? – сказала Клаудиа, глядя на сына с заговорщическим видом.

– Ну конечно. Лимонное и шоколадное.

– Жуткая смесь, но раз тебе нравится…

Стулья в «Лондоне» были крайне неудобные, рассчитанные на то, чтобы поддерживать тело в безупречно вертикальном положении. Клаудиа устала от сборов, в последний момент выяснилось, что не хватало массы вещей, и Персио пришлось мчаться покупать их (по счастью, у бедняги не было особых хлопот со своими вещами, он собрался как на пикник), а она тем временем запирала квартиру и писала письмо, какие пишутся в последний момент, когда уже не находится ни мыслей, ни чувств… Но теперь она будет отдыхать – до устали. Ей давно уже надо отдохнуть. «Давно уже мне надо было устать, чтобы отдохнуть», – поправила она себя, нехотя играя словами. Персио, наверняка, скоро явится, в последний момент он вспомнил, что не запер что-то в своей таинственной комнатке в Чакарито, где держал книги по оккультизму и рукописи, которые едва ли когда-нибудь будут напечатаны. Бедняга Персио, вот кому надо отдохнуть, как повезло, что Клаудии разрешили (благодаря телефонному нажиму доктора Леона Леубаума на некоего инженера) взять Персио с собою в плавание, почти контрабандой, представив его дальним родственником. Уж если кто и заслуживает лотерейного выигрыша, так это Персио, неустанный корректор у Крафта, постоялец дешевых пансионов в западной части города, любивший бродить ночами в порту и по улочкам Флореса. «Ему больше, чем мне, нужно это дурацкое плавание, – подумала Клаудиа, разглядывая ногти. – Бедняга Персио».

От кофе ей стало лучше. Итак, она отправляется в плавание с сыном, прихватив заодно и старого друга, которого превратила в родственника. Отправляется, потому что ей достался счастливый билет, потому что Хорхе полезен морской воздух, а Персио он еще полезнее. Она подумала и повторила: итак, она отправляется… Отхлебнула кофе, рассеянно начала сначала. Непросто было свыкнуться мыслью с тем, что происходило, с тем, что должно было вот-вот произойти. Уехать – на три месяца или на всю жизнь – какая разница? Не все ли равно? Она не была счастлива и несчастна тоже не была, обычно крайности толкают на резкие перемены. Муж будет оплачивать содержание Хорхе в любой части света. А у нее есть рента, есть тревел-чеки и кое-какие деньги на черный день.

– Все эти люди плывут с нами? – спросил Хорхе, постепенно отходя от мороженого.

– Нет. Давай попробуем угадать кто, если хочешь. Я уверена, вон та сеньора в розовом.

– Ты думаешь, че? Она некрасивая.

– Ладно, не возьмем ее. Теперь ты.

– Вон те сеньоры за столиком, с сеньоритой.

– Очень может быть. Выглядят симпатичными. Ты захватил платок?

– Да, мама. Мама, а пароход большой?

– Думаю, да. Кажется, это какой-то особый пароход.

– Его кто-нибудь видел?

– Возможно, но он не из известных.

– Значит, некрасивый, – грустно сказал Хорхе. – Красивые все знают. Персио, Персио! Мама, Персио пришел.

– Персио точен, – удивилась Клаудиа. – Начнешь думать, что лотерея разрушает привычки.

– Персио, иди сюда! Что ты мне принес, Персио?

– Последние новости с планеты, – сказал Персио, а Хорхе, счастливый, смотрел на него и ждал.

V

Учащегося Фелипе Трехо очень интересовало, что происходит за соседним столиком.

– Ты только представь, – сказал он отцу, который отирал пот со всей элегантностью, на какую был способен. – Некоторые из этих лохов наверняка поплывут с нами.

– Ты не можешь выражаться поприличнее, Фелипе? – простонала сеньора Трехо. – Что за ребенок, когда он научится хорошим манерам.

Беба Трехо советовалась по поводу своего макияжа с зеркальцем от Эйбара, попутно используя его в качестве перископа.

– Ладно, а эти-то каракатицы, – не унимался Фелипе. – Ты посмотри, эти-то просто рыночные торговки.

– Не думаю, что все отправятся в круиз, – сказала сеньора Трехо. – Возможно, вон та пара, что сидит во главе стола, и вон та сеньора, она, должно быть, мать девушки.

– Какие вульгарные, – сказала Беба.

– Какие вульгарные, – передразнил Фелипе.

– Не кривляйся.

– Фу-ты, ну-ты, герцогиня Виндзорская. Вылитая.

– Хватит, дети, – сказала сеньора Трехо.

Фелипе с удовольствием ощущал свою внезапную значительность, но пользовался ею с осторожностью, чтобы не спалить раньше времени. А сестрицу следовало взять в узду и сквитаться за все, что она успела ему насолить.

– За другими столиками, по-моему, приличные люди, – сказала сеньора Трехо.

– Хорошо одетые, – сказал сеньор Трехо.

«Они – мои гости, – думал Фелипе и готов был кричать от радости. – Старик, старуха и эта говнюшка. И я могу делать что хочу». Он обернулся на соседний столик и ждал, когда на него обратят внимание.

– Вы случайно не плывете на пароходе? – спросил он смуглого мужчину в полосатой рубашке.

– Я – нет, паренек, – сказал смуглый. – А вот этот молодой человек с мамашей и сеньорита с мамашей – плывут.

– Ах, значит, вы провожаете.

– Так точно. А вы плывете?

– Да, с семьей.

– Вы счастливчик, молодой человек.

– Да уж, – сказал Фелипе. – А в следующий раз, может, и вам выпадет.

– Конечно. Выпадет.

– Наверняка.

VI

– А я тебе принес вести от осьминожки, – сказал Персио.

Хорхе уперся локтями в стол.

– Он был под кроватью или в ванне? – спросил он.

– Вскарабкался на пишущую машинку, – сказал Персио. – Как ты думаешь, что он делал?

– Печатал на машинке.

– Сообразительный мальчик, – сказал Персио Клаудии. – Ну конечно, печатал на машинке. Вот страничка, сейчас прочту тебе. Слушай: «Отдыхай, я буду ждать, хоть на меня тебе плевать. Написал тебе немножко твой приятель Осьминожка».

– Бедняжка Осьминожка, – сказал Хорхе. – Что он будет есть, пока тебя не будет?

– Спички, карандаши, телеграммы и баночку сардин.

– Он не сможет ее открыть, – сказала Клаудиа.

– Сможет, Осьминог сможет, – сказал Хорхе. – А какие новости с планеты, Персио?

– На планете, – сказал Персио, – кажется, прошел дождь.

– Если там прошел дождь, – прикинул Хорхе, – то муравочеловекам пришлось забираться на плоты. Потоп, наверное, был – или не совсем?

Персио точно не знал, но муравочеловеки способны были справиться с ситуацией.

– Ты не захватил телескоп, – сказал Хорхе. – Как же мы с борта парохода будем следить за нашей планетой?

– А звездная телепатия на что, – сказал Персио и подмигнул. – Клаудиа, вы устали.

– Вон та женщина в белом сказала бы, что все это – от влажности. Ну вот, Персио, мы тут. Что будет дальше?

– Ах, вот вы о чем… У меня не было времени как следует изучить вопрос, но я готовлю фронт.

– Фронт?

– Фронт атаки. Каждую вещь, каждое событие следует атаковать различными способами. Люди почти всегда прибегают лишь к одному способу и получают половинчатые результаты. Я всегда подготавливаю свой фронт и затем синкретизирую результаты.

– Понимаю, – сказала Клаудиа тоном, который говорил об обратном.

– Надо действовать push-pull[3 - Здесь: тяни-толкай (англ.).], – сказал Персио. – Не знаю, понятно ли я объяснил. Некоторые вещи находятся еще как бы в пути, и следует подтолкнуть их, чтобы увидеть, что произойдет дальше. Женщин, например, не при детях будет сказано. А что-то надо просто дернуть за рукоятку. Этот парень, Дали, знает, что делает (а может, как раз не знает, но все равно), когда рисует тело, забитое ящичками. По-моему, очень многое на свете имеет рукоятку. Возьмем, к примеру, поэтические образы. Если смотреть на них извне, не видно ничего, кроме открытого смысла, хотя он может быть вполне герметичным. Вы удовлетворитесь открытым смыслом? Ничего подобного. Надо дернуть за рукоятку и влезть внутрь ящичка. Дернуть за рукоятку означает приблизиться к сути, овладеть сутью, выйти из привычных рамок.

– А, – сказала Клаудиа, потихоньку делая знак Хорхе, чтобы он высморкался.

– В данном случае, например, имеет место огромное количество значащих элементов. Каждый столик, каждый галстук. В этом хаотическом беспорядке я вижу, как вырисовывается строгий порядок. И спрашиваю себя, что же будет дальше.

– И я – тоже. Но это забавное развлечение.

– Развлечение – всегда спектакль: мы его не анализируем, потому что тогда наружу вылезет непристойное притворство. Заметьте, я не против развлечения как такового, но прежде чем приступить к развлечению, я всегда сначала запираю лабораторию и выплескиваю кислоты и щелочи. Другими словами,

подчиняюсь, поддаюсь кажимости. Вы сами прекрасно знаете, сколь драматично смешное.

– Прочти для Персио стихи о Гаррике, – сказала Клаудиа Хорхе. – Это будет прекрасная иллюстрация к его теории.

– Завидя Гаррика, английского актера… – во весь голос начал Хорхе. Персио внимательно слушал, а когда он закончил, захлопал в ладоши. За другими столиками тоже кто-то стал аплодировать, и Хорхе покраснел.

– Quod erat demonstrandum[4 - Что и требовалось доказать (лат.).], – сказал Персио. – Конечно же, я имел в виду более широкое понятие в том смысле, что любое развлечение – это вполне осознанная маска, которая в конце концов приживается и подменяет подлинное лицо. Почему человек смеется? Смеяться не над чем, разве что над самим смехом. Обратите внимание, часто дети, которые много смеются, заканчивают плачем.

– Глупые, – сказал Хорхе. – Хочешь, я прочитаю тебе про ныряльщика и жемчужину?

– На палубе, а вернее в кубрике, при свете звезд ты будешь читать мне все, что душе угодно, – сказал Персио. – А теперь я хотел бы немного разобраться в этом полугастрономическом окружении. Эти бандонеоны[5 - Бандонеон – вид гармоники.] что означают?

– О, мадонна, – сказал Хорхе и зевнул.

VII

Черный «линкольн», черный костюм, черный галстук. Остальное – смутно. Более всего из дона Гало Порриньо был заметен шофер с внушительной спиной и кресло на колесах – мощное сооружение из резины и хромированного железа. Многие остановились посмотреть, как шофер с сиделкой вытаскивали дона Гало и водружали на тротуар. На лицах проступала жалость, приглушенная очевидным богатством хворого господина. К тому же сам дон Гало, походивший на ощипанного цыпленка, глядел так высокомерно, что хотелось пропеть ему «Интернационал» прямо в лицо, чего, однако, никто никогда не делал, как

заметил Медрано, невзирая на то, что Аргентина – свободная страна, а музыка относится к тем искусствам, которые поощряются в самых высоких сферах.

– А я и забыл, что дон Гало тоже выиграл в лотерею. Да и как дон Гало мог не выиграть? Но вот что старик отправится в такое путешествие, никогда бы не подумал. Это просто невероятно.

– Вы знакомы с этим сеньором? – спросила Нора.

– Тот, кто в Хунине не знает дона Гало Порриньо, достоин публичной казни на самой лучшей и просторной площади, – сказал Медрано. – Превратности моей профессии забросили меня в этот передовой город лет пять назад, где я томился, пока не настали счастливые времена и я перебрался в Буэнос-Айрес. Дон Гало был одним из первых отцов города, с которым я там познакомился.

– Он выглядит вполне приличным господином, – сказал доктор Рестелли. – Правда, немного странно, что при таком автомобиле…

– При таком автомобиле, – сказал Лопес, – можно выбросить за борт капитана, а пароход использовать в качестве пепельницы.

– При таком автомобиле, – сказал Медрано, – можно заехать очень далеко. Даже от Хунина до «Лондона». Одна из моих слабостей – наука сплетни, хотя должен сказать в свое оправдание, меня интересуют лишь определенные, высшие формы сплетни, как, например, история. Что я могу вам сказать о доне Гало? (Так начинают некоторые писатели, которые прекрасно знают, что хотят сказать.) Я бы сказал, что ему более подходит имя Гай, а почему – сейчас увидите. В Хунине есть большой магазин с многозначительным названием «Золото и Лазурь»; однако если бы вы были склонны к прогулкам по Буэнос-Айресу, в чем я сомневаюсь, то знали бы, что на площади Двадцать Пятого Мая тоже есть магазин «Золото и Лазурь» и что практически во всех крупных населенных пунктах нашей обширной провинции золото и лазурь осели на самых стратегически важных перекрестках. А следовательно, миллионы песо осели в карманах дона Гало, трудолюбивого испанца, который, как я полагаю, прибыл в эту страну точно так же, как и почти все его соплеменники, и трудился тут с упорством, которое отличает их в наших пампах, столь располагающих к послеобеденным сиестам. Дон Гало, паралитик, почти одинокий, живет в своем дворце на улице Палермо. Хорошо отлаженная цепочка служащих охаживает

каждое звено этой цепи из золота и лазури: управляющие, глаза и уши властелина, денно и нощно бдят, совершенствуют, информируют и санкционируют. И вот… Я не утомил вас?

– Нет-нет, – сказала Нора, которая просто-упивалась-его-словами.

– Ладно, – чуть насмешливо продолжал Медрано, выдерживая взятый стиль, который, он был уверен, только Лопес мог оценить в полной мере. – И вот лет пять назад отмечалась бриллиантовая свадьба дона Гало с его галантерейной торговлей, портняжными мастерскими и прочими сопутствующими ремеслами. Управляющие на местах через официальные каналы узнали, что патрон ожидает от своих служащих чествования и намерен самолично провести смотр всех своих магазинов и магазинчиков. В ту пору я был в приятельских отношениях с Пеньей, управляющим филиалом в Хунине, и он был страшно озабочен предстоящим визитом дона Гало. Пенье стало известно, что визит будет носить в высшей степени рабочий характер и что дон Гало намеревается осмотреть все до последней пуговицы. По-видимому, он получил какую-то тайную информацию. И поскольку все управляющие были озабочены одинаково, то между филиалами началось дикое соревнование, эдакая гонка вооружений. Мы в клубе хохотали над рассказами Пеньи о том, как он подкупил двух коммивояжеров, чтобы они сообщали, что готовят к визиту патрона в филиале на улице Девятого Июля или на улице Пеуахо. И он тоже лез вон из кожи, и у него в магазине служащие, раздраженные и перепуганные, работали допоздна.

Дон Гало начал турне в честь своего юбилея с Лобоса, посетил, кажется, три или четыре своих лавки и в одну прекрасную ослепительно-солнечную субботу появился в Хунине. В то время он ездил на синем «бьюике», но Пенья велел приготовить для него открытый автомобиль, на каком и Александр Македонский не побрезговал бы въехать в Персеполь. На дона Гало произвела впечатление встреча: Пенья со свитой ожидал его у въезда в город и предложили перейти в открытый автомобиль. Кортеж торжественно проехал по главной улице: я таких вещей не пропускаю, а потому пришел заранее и встал на краю тротуара неподалеку от магазина. Когда машина подъехала, служащие, расставленные должным образом, принялись аплодировать. Девушки бросали белые цветы, а мужчины (многие – специально нанятые для этого случая) размахивали флажками с лазурно-золотой эмблемой. Через улицу перекинули подобие триумфальной арки с транспарантом: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ДОН ГАЛО. Бедняге Пенье эта маленькая вольность стоила бессонной ночи, но старику дерзновенный порыв подданных пришелся по нраву. Автомобиль остановился

перед магазином, аплодисменты перешли в овацию (прошу прощение за ненавистное, но в данном случае необходимое выражение), и дон Гало, как обезьянка сидя на краешке стула, время от времени поднимал правую руку в знак приветствия. Уверяю вас, он вполне мог бы посылать привет и обеими руками, но я уже понял, что собой представлял этот тип: Пенья не преувеличивал. Сеньор феодал посетил своих рабов и с любезно-недоверчивым видом взвешивал почести, которые те ему воздавали. Я ломал голову, старался вспомнить, где я уже видел подобное. Не саму сцену, потому что она в точности повторяла любую официальную встречу с флажками, транспарантами и цветами. А то, что за этой сценой скрывалось (а мне – выявилось): все эти насмерть перепуганные приказчики и закройщики, бедняга Пенья, скучающе-алчное лицо дона Гало. Когда Пенья поднялся на скамеечку зачитать приветственную речь (признаюсь, добрая ее часть была моей, потому что из подобных вещей и состоят нехитрые развлечения в маленьком городке), дон Гало заерзал в кресле, а потом, слушая, время от времени одобрительно кивал головой и с холодной любезностью принимал оглушительные взрывы аплодисментов, которыми разражались служащие точно в тех местах, которые им указал накануне вечером Пенья. Когда же он дошел до самого волнующего момента (мы в подробностях расписали трудовые свершения дона Гало, self made man[6 - Человек, всем обязанный себе самому (англ.).], самоучка и т. п.), я увидел, что чествуемый сделал знак горилоподобному шоферу, которого вы тут видите. Горилла вылез из автомобиля и сказал что-то одному из стоявших у края тротуара, тот покраснел и тоже сказал что-то другому, стоявшему рядом, и тот тоже пришел в смущение и стал оглядываться по сторонам, словно высматривая, откуда явится спасение… И я понял, что близок к решению загадки, что сейчас узнаю, отчего же все это мне так знакомо. «Он попросил серебряный уринник, – догадался я. – Гай Тримальхион. Мать моя мамочка, мир только и делает, что повторяется…» Но нет, конечно, не ночной горшок, а всего лишь стакан воды, хорошо продуманный стакан воды, чтобы раздавить Пенью, сбить пафос его речи и наверстать то, что потерял из-за трюка с открытым автомобилем…

Нора не поняла концовки, но ее заразил смех Лопеса. Роберто, с большим трудом устроив дона Гало у окна, нес ему апельсиновый сок. Шофер уже отошел и у двери разговаривал с сиделкой. Кресло дона Гало мешало всем, загораживая дорогу, но, похоже, именно это дону Гало и нравилось. Лопес от души развлекался.

– Быть того не может, – повторял он. – С таким здоровьем и при таком богатстве отправляться в плавание лишь потому, что задаром?

– Не так уж задаром, – сказал Медрано, – лотерейный билет стоил ему десять песо, че.

– В старости у деятельных мужчин случаются ребяческие капризы, – сказал доктор Рестелли. – Я сам – о деньгах говорить не будем – спрашиваю себя, а мне-то надо ли было…

– А вот и с бандонеонами пришли, – сказал Лусио. – Неужели к нам?

VIII

Кафе это для заковыристой публики, сразу видно, стулья, как для министров, а подавальщики морду воротят, если попросишь пол-литровую кружку, да чтобы пиво долили после того, как отстоится пена. В общем, не та обстановка, вот что плохо.

Атилио Пресутти, более известный как Мохнатый, запустил пятерню в свои буйные кудри цвета спелой моркови и, с трудом продравшись сквозь них до затылка, вынул руку. Потом пригладил каштановые усы и поглядел на собственную веснушчатую физиономию в стенном зеркале с удовлетворением. Однако удовлетворение оказалось не полным, и он вынул из верхнего кармашка пиджака синюю расческу и принялся причесываться, свободной рукой старательно подбивая кудри, чтобы лучше обозначить чуб. Глядя на него, и двое его приятелей тоже стали приводить в порядок шевелюру.

– Для заковыристых кафе, – повторил Мохнатый. – Кому это брызнуло устраивать проводы в таком месте.

– Мороженое тут хорошее, – сказала Нелли, стряхивая перхоть с его лацкана. – Зачем ты надел синий костюм, Атилио? Только погляжу – и от жары умираю, клянусь.

– В чемодане он изомнется, – сказал Мохнатый. – Я б скинул пиджак, да тут вроде как неудобно. Лучше б собрались в баре Ньято, по-свойски.

– Замолчите, Атилио, – сказала мать Нелли. – Не говорите мне про проводы после того, что было в воскресенье. Ах боже мой, как вспомню, так сразу…

– Подумаешь, какое дело, донья Пепа, – сказал Мохнатый.

Сеньора Пресутти строго посмотрела на сына.

– Что значит – какое дело, – сказала она. – Ах, донья Пепа, эти дети… Выходит, тебе все нипочем? А отец твой отчего же в постели с вывихнутой лопаткой и разбитой ногой?

– А что такого? – сказал Мохнатый. – Да старик наш покрепче паровоза.

– Что случилось-то? – спросил один из приятелей.

– А ты разве не был в воскресенье?

– А ты не помнишь, что я не был? Я ж к бою готовился. А когда готовишься – праздники по боку. Вспомни, я тебя предупредил.

– Теперь вспоминаю, – сказал Мохнатый. – Ты такое пропустил, Русито.

– Несчастный случай приключился, да?

– Еще какой, – сказал Мохнатый. – Старик с крыши навернулся, прямо во двор, чуть не убился. Ой, что было.

– Настоящий несчастный случай, – сказала сеньора Пресутти. – Расскажи, Атилио, а то меня страх берет, только вспомню.

– Бедняжка донья Росита, – сказала Нелли.

– Бедняжка, – сказала мать Нелли.

– Подумаешь, какое дело, – сказал Мохнатый. – Ну, собрались ребята проводить нас с Нелли. Старуха налепила равиолей, потрясных, а ребята притащили пива и пирожных всяких. Сидим, значит, на террасе, на крыше, мы с младшеньким пристроили навес, принесли радиолу. В общем, все у нас есть, гуляем. Сколько нас было-то? Тридцать, не меньше.

– Больше, – сказала Нелли. – Я считала, почти сорок. Жаркого еле хватило, помню.

– В общем, славно погудели, не то что здесь, как в мебельном магазине. Старик сидел во главе стола, рядом с ним – дон Рапо, с верфей. Сам знаешь, старик мой обожает стаканчик опрокинуть. Смотри-ка, смотри-ка, какую старуха мину скорчила. Я что – неправду говорю? А что в этом плохого? Я знаю одно: когда бананы принесли, мы все уже были косые, а старик – косее всех. А как пел, мамочка родная. Потом ему в голову ударило выпить за наше плавание, он поднялся – пол-литровая кружка в руке – только рот разинул, а тут его кашель прихватил, он назад вот так откинулся и ухнул вниз, прямо во двор. Грохоту было, ужас, бедный старик. Ну прямо как мешок с кукурузой, клянусь.

– Бедный дон Пипо, – сказал Русито, а сеньора Пресутти достала из сумочки платок.

– Видишь, Атилио? Заставил маму плакать, – сказала Нелли. – Не плачьте, донья Росита. Ничего страшного не случилось.

– Конечно, – сказал Мохнатый. – Но шороху наделал, че. Мы все – вниз, я был уверен, что старик себе шею свернул. Женщины – в слезы, такое тут заварилось. Я велел Нелли радиолу выключить, а донье Пепе пришлось заняться старухой, с ней припадок приключился. Бедняга, как ее корчило.

– А дон Пипо? – спросил Русито, жаждавший крови.

– Ну, старик у нас потрясный, – сказал Мохнатый. – Я как увидел его – лежит на каменных плитах и не шелохается – так и подумал: «Ну все, остался ты, милок, без отца, сиротою». Младшенький пошел вызывать «скорую», а мы стянули со старика майку, поглядеть, дышит ли. А он первым делом, как глаза открыл, сразу руку – в карман, проверить: бумажник не сперли? Старик, он такой. Потом сказал, что спину больно, но ничего, обойдется. Сдается, он был не прочь гудеть и дальше. Помнишь, старая, как мы тебя привели, чтоб ты своими глазами увидела – ничего с ним не сталось? Вот смеху-то, ей бы успокоиться, а с ней опять припадок, да пуще прежнего.

– Волнительная она у вас, – сказала мать Нелли. – Один раз у нас тоже…

– В общем, когда «скорая» подоспела, старик уже сидел на каменном полу, а мы все хохотали как бешеные. Двое фельдшеров прикатили и слушать не захотели, чтобы оставить его дома. Увезли все-таки бедного старика, не оставили, но я тоже не дал маху: когда один попросил меня какую-то бумажку подписать, я заставил его сперва посмотреть мне ухо, его иногда закладывает.

– Потрясно, – сказал Русито ошеломленно. – А я пропустил такое. Какая жалость, именно в тот день надо было тренироваться.

Другой приятель в рубашке с большим стоячим воротником вдруг вскочил на ноги.

– Гляньте-ка, кто пришел! Потрясно, ребята!

Торжественные, сверкая напомаженными волосами, в безупречных клетчатых костюмах, бандонеонисты из ансамбля Асдрубала Кресиды шествовали меж все более заполнявшихся столиков. За ними шел парень в жемчужно-сером костюме и черной рубашке, кремовый галстук был заколот булавкой в форме герба футбольного клуба.

– Мой брат, – сказал Мохнатый, хотя все присутствующие были в курсе этой существенной подробности. – Подумать только, решил сделать нам сюрприз.

Популярный певец Умберто Роланд приблизился к столу и горячо пожал руки всем по очереди, за исключением собственной матери.

– Потрясно, братан, – сказал Мохнатый. – Договорился о подмене на радио?

– Сказал, что зуб болит, – ответил Умберто Роланд. – А не то сразу вычтут денежки. Вот и товарищи мои из ансамбля тоже пришли проводить вас.

Роберто угрюмо придвинул еще один столик и четыре стула, артист заказал холодный кофе с ромом, а музыканты сошлись на пиве.

IX

Паула и Рауль вошли в дверь со стороны Флориды и сели за столик у окна. Паула едва окинула взглядом кафе, а Рауль с интересом принялся отгадывать, кто же из этой массы обливающихся потом буэносайресцев может оказаться их попутчиками.

– Не будь у меня в кармане приглашения, я бы решил, что кто-то из друзей подшутил надо мной, – сказал Рауль. – А тебе не кажется все это невероятным?

– В данный момент мне это кажется нестерпимо жарким, – сказала Паула. – Но допускаю, что приглашение подлинное.

Рауль развернул кремового цвета листок и перечитал еще раз:

– В восемнадцать часов в этом кафе. Багаж заберут утром из дому. Убедительно просят никого с собой не приводить. Все остальное обеспечивает Управление экономического развития. Ничего себе лотерея. Но почему в этом кафе, скажи на милость?

– С некоторых пор я отказываюсь что бы то ни было понимать в этом деле, – сказала Паула, – за исключением того, что ты счастливо выиграл по лотерейному билету и пригласил меня с собой, лишив раз и навсегда возможности попасть в справочник «Кто есть кто в Аргентине».

– Наоборот – это загадочное плавание прибавит тебе весу. Можешь сказать, что удалилась от света ради духовного очищения или что пишешь монографию о Дилане Томасе[7 - Дилан Томас (1914–1953) – английский поэт, прозаик, драматург.], очередном модном в литературных кофейнях поэте. Я лично считаю, что главное очарование всякого безумства состоит в том, что оно всегда кончается плохо.

– Да, порою в этом есть свое очарование, – сказала Паула. – Le besoin de la fatalite[8 - Неотвратимость рока (фр.).], как говорится.

– В худшем случае получится обычное плавание, правда, неизвестно куда. На три-четыре месяца. Признаюсь, именно это, последнее, меня и склонило в его пользу. Куда же это они могут отправить нас так надолго? Разве что в Китай?

– В который из двух?

– В оба, отдавая должное традиционному нейтралитету Аргентины.

– Хорошо бы, но увидишь, привезут в Геную, а оттуда – на автобусах по всей Европе, пока не растрясут вконец.

– Сомневаюсь, – сказал Рауль. – В таком случае они бы до отплытия расписали это на все лады. А когда отплывем – там уже другой разговор.

– Но все-таки, – сказала Паула, – что-то о маршруте говорили.

– В высшей степени туманно. И в сослагательном наклонении, так что я даже не запомнил, какие-то намеки с целью разбудить в нас природный авантюризм и азартность. Короче, бесплатное морское путешествие с учетом международной обстановки. То есть нас не повезут ни в Алжир, ни во Владивосток, ни в Лас-Вегас. Главная хитрость – оплаченные отпуска. Какой же служащий устоит? Да и тревел-чеки прими в расчет. В долларах, заметь, в долларах.

– Да и возможность пригласить меня.

– Вот именно. И узнать, излечивает ли морской воздух и экзотические портовые города от любовного недуга.

– Как-никак, а лучше люминала, – проговорила Паула, глядя на него. Рауль тоже посмотрел на нее. Так они и смотрели друг на друга некоторое время, чуть ли не с вызовом.

– Ладно, – сказал Рауль, – хватит глупостей. Ты мне обещала.

– Ясное дело, – сказала Паула.

– Ты всегда говоришь «ясное дело», когда оно как раз самое что ни на есть темное.

– Обрати внимание. Я сказала: как-никак, а лучше люминала.

– Идет, on laisse tomber[9 - Оставим это (фр.).].

– Ясное дело, – повторила Паула. – Не сердись, милый. Я тебе очень благодарна, правда. Ты меня берешь с собой и вытаскиваешь из такого болота, пусть даже при этом гибнет моя и без того невысокая репутация. Право же, Рауль, я верю, что путешествие пойдет мне на пользу. Особенно если вляпаемся в какую-нибудь дурацкую историю. Вот смеху-то будет.

– Как бы ни обернулось, а разнообразие, – сказал Рауль. – Мне немножко поднадоело проектировать виллы для таких, как твое или мое семейство. Понимаю, что нашел довольно глупое решение и даже не решение, а просто отсрочку. В конце концов мы приплывем сюда же, и все снова будет в точности как прежде. Но может быть, чуть-чуть не точно так, как прежде.

– Одного не могу понять – почему ты не пригласил с собой какого-нибудь друга, кто тебе более близок, чем я.

– Возможно, именно поэтому, миледи. Чтобы эта близость не продолжала связывать меня с великой южной столицей. Не говоря уж о том, что близость, сама знаешь…

– По-моему, – сказала Паула, глядя ему в глаза, – ты просто потрясающий.

– Благодарю. Это, конечно, не совсем так, но ты помогаешь мне таким казаться.

– Я верю, что путешествие будет очень интересным.

– Очень.

Паула глубоко вздохнула. Внезапно – как будто ощутила что-то вроде счастья.

– Ты захватил таблетки от качки?

Но Рауль смотрел на шумную молодежную компанию.

– Боже, – сказал он. – Похоже, один собирается петь.

A

Пользуясь тем, что завязался диалог между матерью и сыном, Персио думает, оглядывает все вокруг себя, и ко всему, что видит вокруг, прилагает логос, или из логоса извлекает нить, в глубинной сути ищет тончайший хрупкий след к зримому, которое должно было бы – именно этого он хочет – открыть ему ход к синтезу. Без труда отсекает Персио второстепенные фигуры от центральных, действующих, рассчитывает и собирает воедино значащие элементы, проникает внутрь окружающих обстоятельств и перепахивает их вдоль и поперек, расчленяет и анализирует, отделяет и кладет на весы. И то, что он видит вокруг, обретает объем, который способен бросить в пот, породить видения, не имеющие никакого отношения к галлюцинациям, населенным тиграми и жесткокрылыми насекомыми, способен породить пыл, что преследует свою жертву неотступно, но без обезьяньих прыжков и лебединой эхолалии. Уже за пределами кафе остались статисты, наблюдающие за тем, как развертывается партия (теперь это становится игрой), и не знающие, чем она закончится. Персио находит все большее удовольствие в том, чтобы на плате отделять мимолетное сияние тех, кто остается, от тех, кому предстоит пуститься в плавание. Он знает не больше, чем они, о законах игры, но чувствует, что законы эти создаются тут, самими игроками, словно на бескрайней шахматной доске, где сражаются немые противники по законам, единым и для слона, и для коня, этих игрушечных дофинов и сатиров. Каждая партия – целая навимахия[10 - Навимахия – искусство морского боя.], каждый шаг – поток слов или слез, каждая клеточка на доске – песчинка, заключающая в себе море крови, или комичную участь белки в колесе, или провал жонглеров, что кувыркаются на лугу под звон бубенцов и аплодисментов.

Итак, добрые намерения властей, предпринятые с благой целью, а возможно (это точно никогда не известно), с вполне корыстным интересом, при которых судьба сама вычленяет счастливчиков, собрали это людское сообщество в «Лондоне», это маленькое воинство, в котором Персио различает правофланговых, фуражиров, перебежчиков и, возможно, героев, измеряет расстояние от аквариума до окна и ледяное течение времени между взглядом мужчины и подкрашенной улыбкой женщины, неизмеримую даль судеб, которые вдруг сошлись здесь в ужасающей мешанине из бесконечно одиноких существ: они встретились тут, выйдя из такси и поездов, оставив своих любовников, любовниц и конторы, и уже стали единым целым, которое пока еще не осознает себя таковым и не ведает, что может стать необычным поводом для запутанной истории, которая, возможно, рассказывается напрасно или не будет рассказана

никогда.

X

– Итак, – сказал Персио, вздохнув, – мы уже, наверное, стали единым целым, которого никто не видит, а может, кто-то видит, а кто-то не видит.

– Вы как будто выныриваете из водных глубин, – сказала Клаудиа, – и еще хотите, чтобы я вас понимала. Дайте хотя бы наводящие мысли. Или ваш фронт атаки непременно герметичен?

– Нет, зачем же, – сказал Персио. – Но дело в том, что гораздо проще увидеть, чем рассказать о том, что увидено. Я вам страшно благодарен за то, что вы берете меня с собой, Клаудиа. Мне будет так хорошо с вами и с Хорхе. Каждый день на палубе заниматься гимнастикой и петь, если только это разрешается.

– Ты никогда не плавал на пароходе? – спросил Хорхе.

– Не плавал, но читал романы Конрада и Пио Барохи, через несколько лет и ты будешь восхищаться этими писателями. Вам не кажется, Клаудиа, что, включаясь в какую-то деятельность, мы как бы отказываемся от чего-то, к чему принадлежим, чтобы стать частью другого неизвестного нам механизма, некой сороконожки, где мы будем всего-навсего одним колечком ее тела и двумя-тремя выхлопами вонючих газов, если использовать образ паровоза.

– Он сказал «вонючие газы»! – обрадовался Хорхе.

– Сказал, но совсем не то, что ты подумал. Мне кажется, Персио, что без этой способности отказываться, как вы выражаетесь, мы были бы не бог весть что. Слишком уж мы пассивны, слишком смиренно принимаем судьбу. Эдакие столпники, по сути, или вроде босховского святого с птичьим гнездом на голове.

– Мое наблюдение вовсе не аксиологично и не нормативно, – задиристо возразил Персио. – Просто я снова как бы впадаю в вышедший из моды унанимизм, но хочу найти ему иное толкование. Известно, что сообщество – это больше и в то же время меньше, чем сумма его составляющих. Мне же хотелось бы выяснить, если бы я мог ощутить себя в полной мере внутри и вне этого сообщества, – а я

думаю, что это возможно, – является ли эта людская сороконожка по своему строению и консистенции чем-либо большим, нежели простая случайность; заключает ли в себе эта фигура некий магический смысл и способна ли эта фигура в определенных обстоятельствах двигаться в более сущностном понимании этого слова, нежели простое движение ее отдельных членов. Уф.

– В более сущностном? – сказала Клаудиа. – Разберемся сперва в этой подозрительной терминологии.

– Когда мы наблюдаем, например, за созвездием, – сказал Персио, – мы как бы принимаем за данность, что некое сообразие, ритм, объединяющий его звезды, и который мы предполагаем, – исходя из того, что там происходит нечто, определяющее это сообразие, – более глубок, более сущностен, нежели каждая отдельно взятая звезда. Вы не замечали, что отдельные звезды, которым не посчастливилось войти в созвездия, выглядят незначительными рядом с этими не поддающимися расшифровке небесными письменами? Не одни лишь астрологические и мнемотехнические доводы объясняют сакрализацию созвездий. Должно быть, человек с начала начал чувствовал, что каждое созвездие есть некий клан, сообщество, популяция: и если говорить об их поведении, они гораздо активнее, порою даже антагонистичны. Иногда ночами мне случалось наблюдать настоящие войны между звездами, невероятную по напряженности игру. Это при том, что с крыши дома, в котором я живу, видно не очень хорошо, в воздухе всегда стоит дым.

– Ты смотрел на звезды в телескоп, Персио?

– Нет-нет, – сказал Персио. – Видишь ли, на некоторые вещи надо смотреть голым глазом. Я не против науки, просто считаю: лишь поэтическое видение может объять смысл фигур, начертанных и составленных ангелами. Сегодняшний вечер в этом кафе может заключать в себе одну из таких фигур.

– Где эта фигура, Персио? – спросил Хорхе, оглядываясь по сторонам.

– Она начинается лотереей, – сказал Персио очень серьезно. – Шары, перемешавшись, выбрали из сотен тысяч людей нескольких мужчин и женщин. Эти счастливчики, в свою очередь, выбрали кого-то с собой в плавание, за что я, со своей стороны, чрезвычайно благодарен. Обратите внимание, Клаудиа, в строении этой фигуры нет ничего прагматического или функционального. Мы не

орнамент розетты готического собора, мы на мгновение застывший эфемерный орнамент калейдоскопа. Но прежде чем он исчезнет, распадется от следующего прихотливого поворота, какие игры будут сыграны меж нами, в какой рисунок сложатся холодные и теплые цвета, какие сочетания дадут трезвые и мечтательные нравы и темпераменты?

– О каком калейдоскопе ты толкуешь, Персио? – сказал Хорхе.

И тут зазвучало танго.

XI

И мать, и отец, и сестра школьника Фелипе Трехо полагали, что неплохо бы заказать чай с пирожными. Кто знает, когда удастся поужинать на пароходе, да и отплывать на голодный желудок не стоило (мороженое – не еда, во рту расплывается). На пароходе лучше всего вначале поесть что-нибудь всухомятку и лечь на спину. При качке главное – не думать о ней. Тетушку Фелису начинало мутить всякий раз, когда она оказывалась в порту или просто видела в кино подводную лодку. Фелипе слушал рассказы, которые знал уже наизусть, и смертельно скучал. Сейчас мать расскажет, как ее молоденькой девушкой затошнило во время прогулки по Дельте. А сеньор Трехо напомнит, что он предупреждал ее в тот день, чтобы она не ела столько дыни. А сеньора Трехо скажет, что дыня тут ни при чем, потому что она ела ее с солью, и от посоленной дыни вреда не бывает. Ему бы хотелось знать, о чем говорят за столиком, где сидят Черный Кот и Лопес; наверняка о школе, о чем же еще могут говорить учителя. Надо бы, наверное, подойти к ним поздороваться. А с другой стороны, зачем – на пароходе они все равно встретятся. То, что Лопес оказался среди счастливчиков, еще куда ни шло, он парень мировой, а вот выигрыш Черного Кота – это уже подлянка.

Неизбежно мысли вернулись к оставшейся дома Негрите, когда он уходил, лицо у нее было не очень грустное, но все-таки грустноватое. Не из-за него, разумеется. Конечно, эта шлюшка печалилась, что не может отправиться в плавание с хозяевами. Дурак он все-таки круглый, потребуй он как следует, чтобы и Негрита поехала с ними, матери пришлось бы сдаться. Или Негрита с ними – или вообще никто. «Но, Фелипе…» – «А что такого? Разве тебе не нужна на пароходе прислуга?» Но тогда бы они поняли его намерения. С них станется, могли и свинью подложить, он же еще несовершеннолетний, пожаловались бы

наставнику – и не видать тебе морского путешествия как своих ушей. «А могли бы предки из-за этого пожертвовать плаванием?» – подумал он. Да ни за что на свете. А, да на что она сдалась ему, эта Негрита. Так и не впустила к себе в комнату, хоть он и тискал ее вовсю в коридоре, хоть и обещал подарить ей часики, как только вытянет денежки у старика. Сама-то, конечно, ничего особенного, но вот ноги… Фелипе почувствовал слабость в членах и размягченность, предвещавшие прямо противоположное ощущение, и выпрямился на стуле. Высмотрел пирожное, на котором было побольше шоколада, и на долю секунды опередил Бебу.

– Снагличал, как всегда. Обжора.

– Ладно тебе, дама с камелиями.

– Дети… – сказала сеньора Трехо.

Неизвестно, будут ли на пароходе девицы, которыми стоило бы заняться. Ему вспомнился – помимо воли, но настойчиво – Ордоньес, с пятого курса, он верховодил в их компании, вспомнились советы, которые он давал ему однажды летней ночью на скамейке у Конгресса. «Не тушуйся, парень, ты уже не маленький, чтобы малафьей заливаться, с этим делом пора кончать». Он возражал, смущенно и пренебрежительно, а Ордоньес похлопывал его по колену, подбадривая. «Давай, давай, не придуривайся. Я старше тебя на два года и знаю. Не для тебя эти детские забавы, че. Я тебя разве плохому учу? Ты уже на танцы ходишь, так что одного этого тебе мало. Первую же, какая согласится, волоки в Тигре, там можешь ее завалить, где хочешь. Если с монетой туго, только скажи, я попрошу брата, он счетовод, пустит тебя в свою хибару на вечерок. В постели-то, ясное дело, сподручнее…» И еще много чего вспомнилось, разные подробности, дружеские советы. Хоть Фелипе и чувствовал себя неловко, хоть и злился, но Ордоньесу был благодарен. Не то что Алфиери, например. Конечно, Алфиери…

– Кажется, сейчас будет музыка, – сказала сеньора Трехо.

– Какая пошлость, – сказала Беба. – Этого не следовало позволять.

Сдавшись на дружные уговоры родственников и друзей, популярный певец Умберто Роланд уже поднялся на ноги, а Мохнатый с Русито, не переставая

убеждать и по-свойски подталкивая, помогали бандонеонистам усесться поудобнее и расчехлить инструменты. Звучали шуточки, смех, у окон, выходивших на Авениду, столпился народ. В окно, выходившее на Флориду, растерянно глядел полисмен.

– Потрясно, потрясно! – кричал Русито. – Че, Мохнатый, ну и братан у тебя, ништяк!

Мохнатый уже стоял возле Нелли и знаками призывал к тишине.

– Минуточку внимания, че! Мамочка родная, да что же это такое, не кафе, а бардак.

Умберто Роланд прокашлялся и пригладил волосы рукой.

– Просим извинения, мы не смогли прийти с ударными, – сказал он. – Что получится, то получится.

– Давай, парень, давай.

– В честь отъезда моего дорогого брата и его симпатичной невесты я вам спою танго Виски и Кадикамо «Отчаянная куколка».

– Потрясно! – сказал Русито.

Бандонеоны проиграли заливистое вступление, и Умберто Роланд, опустив левую руку в карман брюк, простер правую перед собою и запел:

Че, мадам, вы говорите по-французски,

Шампань вы пьете и едите вкусно,

Не зная удержу, швыряетесь деньгами,

И жизнь для вас – как танго без конца…

Неожиданное и столь же непривычное для «Лондона» звуковое извержение сразу обратило на себя всеобщее внимание, и, меж тем как за столиком

Мохнатого воцарилась мертвая тишина, шум и разговоры вокруг стали еще слышнее. Мохнатый и Русито обводили присутствующих гневным взглядом, а Умберто Роланд форсировал голос.

И дружбу водите, мадам, вы с кем попало,

А вам всего лишь двадцать весен миновало…

Карлос Лопес был в восторге, о чем он и сообщил Медрано. Доктора Рестелли атмосфера – как он сказал, – складывавшаяся в кафе, откровенно раздражала.

– Позавидуешь раскрепощенности этих людей, – сказал Лопес. – Их поведение в пределах возможностей, которыми они располагают, почти совершенно, они даже не подозревают, что в мире есть что-то, кроме танго и клуба «Расинг».

– Посмотрите на дона Гало, – сказал Медрано. – По-моему, старик испуган.

Дон Гало уже вышел из столбняка и теперь подавал знаки шоферу, который тут же бросился к нему, выслушал хозяина и выскочил из кафе. Все видели, как он говорил что-то полицейскому, который наблюдал сцену через выходившее на Флориду окно. Потом видели, как полицейский поднял кверху руку, сжатую в кулак, и потряс ею в воздухе.

– Вот так, – сказал Медрано. – А собственно, что они сделали плохого?

Мужчин меняете, мадам, вы, как перчатки,

И вас отчаянною куколкой зовут…

Паула и Рауль от души наслаждались сценой, а Лусио с Норой, судя по всему, находились в замешательстве. Семейство Фелипе Трехо хранило холодно-непроницаемый вид, а сам Фелипе завороженно следил за порхающими по клавиатуре пальцами бандонеонистов. Хорхе приступил ко второй порции мороженого, а Клаудиа с Персио по-прежнему были погружены в метафизическую беседу. И над всеми ними, над безразличием или откровенным удовольствием посетителей кафе «Лондон», Умберто Роланд приближался к печальной развязке прославленного аргентинского танго:

Промчались годы, ты любовь не сохранила,

И молодость пропала без следа…

Под восторженные крики, аплодисменты и стук ложечек о стол Мохнатый растроганно поднялся на ноги и заключил брата в объятия. Потом пожал руки троим музыкантам, ударил себя ладонью в грудь и, достав огромный носовой платок, высморкался. Умберто Роланд снисходительно поблагодарил за аплодисменты, Нелли и другие девицы нестройным хором восторгались, на что певец отвечал неувядающей улыбкой. В этот момент ребенок, которого до тех пор никто не замечал, издал мычание, подавившись, по-видимому, пирожным, за столиком поднялся переполох, его перекрыл призыв к Роберто принести стакан воды.

– Ты пел грандиозно, – говорил расчувствовавшийся Мохнатый.

– Как всегда, не более, – отвечал Умберто Роланд.

– Какие в нем чувства играют, – высказалась мать Нелли.

– Он всегда был такой, – сказала сеньора Пресутти. – Об ученье и слушать не хочет. Он искусством живет.

– Совсем как я, – сказал Русито. – Кому оно нужно, это ученье. Чтобы деньги зашибать, нам ума не занимать.

Нелли наконец извлекла остатки пирожного из глотки ребенка. Толпившиеся у окон люди начали расходиться, и доктор Рестелли оттянул пальцем крахмальный воротничок, выказывая явное облегчение.

– Ну вот, – сказал Лопес. – Похоже, настал момент.

Два господина в темно-синих костюмах усаживались посреди зала. Один коротко похлопал в ладоши, а другой знаком призвал к тишине. И голосом, который не нуждался в таковой, произнес:

– Просим посетителей, не имеющих письменного приглашения, и провожающих покинуть помещение.

– Чиво? – спросила Нелли.

– Таво, что мы должны уйти, – ответил один из приятелей Мохнатого. – Только начали развлекаться – и на тебе.

Когда первое удивление схлынуло, послышались восклицания и возражения. Мужчина поднял руку и сказал:

– Я – инспектор Управления экономического развития и выполняю указания руководства. Попрошу приглашенных оставаться на местах, а остальные пусть выйдут как можно скорее.

– Смотри-ка, – сказал Лусио Норе, – вся улица оцеплена полицейскими. Как будто усмирять пришли.

Персонал «Лондона», удивленный не меньше посетителей, не успевал рассчитать всех разом, возникли сложности со сдачей, кто-то возвращал несъеденные пирожные, словом, неразбериха. За столиком Мохнатого послышались рыдания. Сеньора Пресутти и мать Нелли надрывно прощались с родственниками, остававшимися на суше. Нелли утешала мать и будущую свекровь, Мохнатый снова заключил в объятия Умберто Роланда, и вся компания дружно хлопала друг друга по спине.

– Счастливого пути! Счастливого пути! – кричали приятели. – Пиши, Мохнатый!

– Я тебе пришлю открытку, старик!

– Не забывай друзей, че!

– Не забуду! Счастливо оставаться, че!

– Да здравствует «Бока»! – прокричал Русито, с вызовом поглядывая на другие столики.

Двое сеньоров патрицианского вида, приблизившись к инспектору Управления экономического развития, смотрели на него так, будто он с луны свалился.

– Вы можете выполнять любые указания, – сказал один из них, – но лично я в жизни не видел подобного произвола.

– Проходите, проходите, – сказал инспектор, не глядя на них.

– Я – доктор Ластра, – сказал доктор Ластра, – и не хуже вас знаю мои права и обязанности. Мы находимся в общественном заведении, и никто не может заставить меня покинуть это кафе без письменного распоряжения.

Инспектор достал бумагу и показал доктору.

– Ну и что? – сказал другой. – Всего-навсего легализованный произвол. Разве у нас введено чрезвычайное положение?

– Заявите свой протест надлежащим образом, – сказал инспектор. – Че Виньяс, выведи вот тех сеньор из зала. А то они будут тут пудриться до утра.

На Авениде масса людей хотела пройти через ограждение, посмотреть, что происходит, и движение по улице в конце концов застопорилось. Посетители с недоуменными и возмущенными лицами выходили из кафе на Флориду, где скопление народа было меньше. Служащий по имени Виньяс и инспектор обошли столики, прося показать приглашения и указать сопровождающих. Полицейский, прислонясь к стойке, разговаривал с официантами и кассиром, которым велено было не двигаться с места. В почти опустевшем «Лондоне» воцарилась обстановка, какая бывала тут в восемь утра, чему странно не соответствовал вид и шум ночного города за окнами.

– Так, – сказал инспектор. – Можете опускать металлические шторы.

B

В силу каких причин именно такой должна быть паутина или картина Пикассо, другими словами, почему картина не объясняет сущности паутины, а паутина не должна определять сути картины? Что значит быть таким? Какой увидится мельчайшая частица мела, зависит от облака, которое в этот момент будет проплывать за окном, или от того, что именно ожидает увидеть наблюдающий. Вещи приобретают особый вес, когда на них смотрят, восемь плюс восемь суть

шестнадцать плюс тот, кто ведет счет. В таком случае быть таким может означать не совсем таким или лишь видеться таким, или даже быть обманно таким. Иными словами, совокупность людей, собирающихся в плавание, совершенно не обязательно отплывет, если допустить, что обстоятельства могут измениться и плавание не состоится, или обстоятельства могут не измениться и плавание состоится, в таком случае паутина, или картина Пикассо, или совокупность отплывающих людей кристаллизуются, и это, последнее, будет уже не просто сообществом людей, собирающихся в плавание. Во всех этих случаях столь же пустая, сколь и грустная попытка захотеть, чтобы что-то в конце концов стало и образовалось, приведет к тому, что от столика к столику в «Лондоне» побегут неуловимые капельки ртути, – чудо, привет из детства.

Что приближает к сути вещей, что вводит в суть, что направляет к цели? Оборотная сторона вещи, тайна, которая заставила ее (да, все-таки заставила, пожалуй, нельзя сказать «которая ее привела к этому»), заставила быть именно такой. Любой историк, проходя по галерее форм, выставленных Гансом Арпом[11 - Ганс Арп (1886–1966) – французский живописец, скульптор, график, поэт.], не может перевернуть их и вынужден созерцать по обе стороны галереи их лицевую сторону, вынужден созерцать формы Ганса Арпа как вывешенные на стенах полотна. Историк прекрасно знает причины битвы при Заме, наверняка знает их, но причины, которые ему известны, вроде форм Ганса Арпа, выставленных в галереях, а причины этих причин или следствия причин этих причин блистательно освещены лишь с лицевой стороны как формы Ганса Арпа в любой галерее. А значит, то, что приближает к каждой вещи, ее оборотная сторона, возможно – зеленая или мягкая, – оборотная сторона следствий и оборотная сторона причин, иная оптика и иное осязание могли бы, может быть, потихоньку распустить тесемки маски – голубые или розовые, – и открыть лицо, дату и обстоятельства, заключенные в этой галерее (блистательно освещенной), и – при наличии малой толики терпения – впустить в святая святых высокой поэзии.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Полагаю (англ.).

2

Обращение-междометие, принятое в Аргентине.

3

Здесь: тяни-толкай (англ.).

4

Что и требовалось доказать (лат.).

5

Бандонеон – вид гармоники.

6

Человек, всем обязанный себе самому (англ.).

7

Дилан Томас (1914–1953) – английский поэт, прозаик, драматург.

8

Неотвратимость рока (фр.).

9

Оставим это (фр.).

10

Навимахия – искусство морского боя.

11

Ганс Арп (1886–1966) – французский живописец, скульптор, график, поэт.

Купить: https://tellnovel.com/kortasar_hulio/schastlivchiki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити